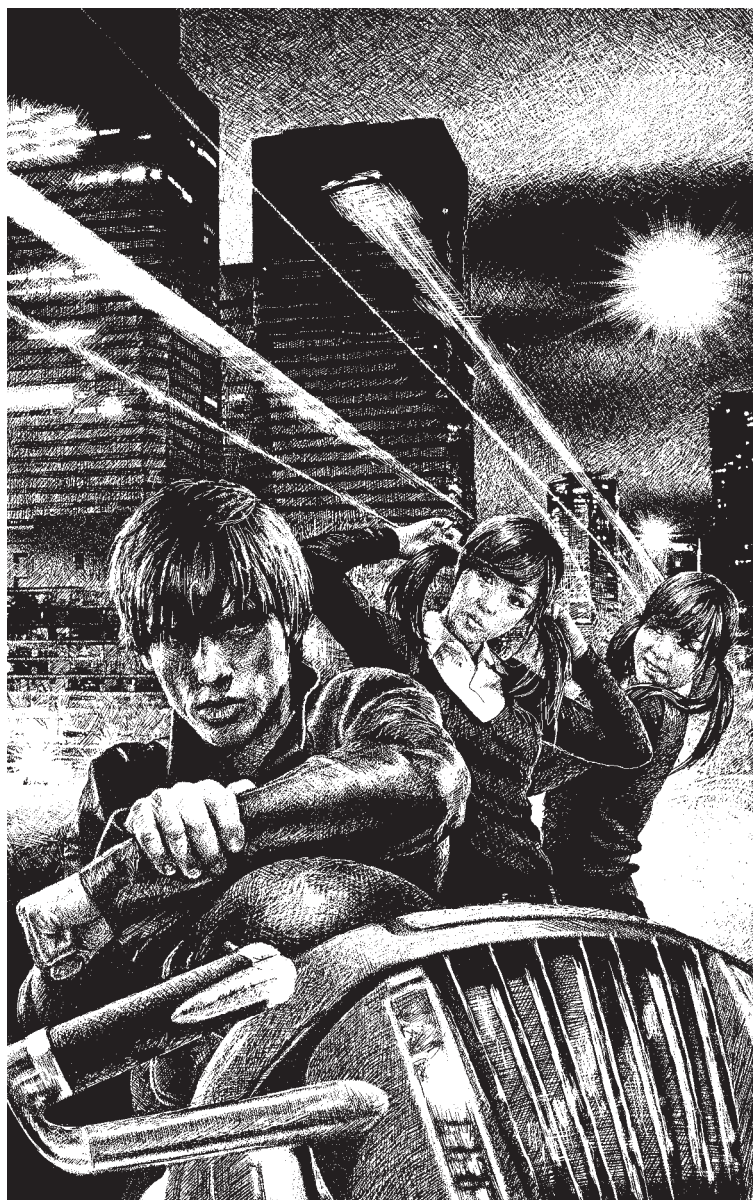

Книги Владимира Ильина
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ТОМ ДЖОУ
ПОВЕЛИТЕЛЬ МИРАЖЕЙ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР ИЛЬИН

ПОВЕЛИТЕЛЬ МИРАЖЕЙ

РОМАН

Москва, 2013
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
И46

Серия основана в 1992 году
Выпуск 880

Художник
В. Федоров

Ильин В. А.

И46 Повелитель миражей: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 313 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1643-1

В мире силы, боевых рангов и аристократии одиночке сложно выжить. Особенно когда живешь в чужой стране, тебе шестнадцать, а на твое наследство объявлена охота. Детство тут же завершается, друзья превращаются в приятелей, а все остальные пытаются использовать тебя в своих интересах. Остается рассчитывать только на себя, свою силу и хитрость, чтобы отомстить тем, кто предал родителей, и обрести новую семью.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1643-1

© Ильин В. А., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Автор благодарит писателя Н. А. Метельского за предоставленное разрешение использовать элементы мира из книги последнего «Меняя маски»

ГЛАВА 1

На руке кружится маленький воздушный водоворот, мягко перетекает от края до края ладони, взбирается на пальцы, лихо покачивается на кончике указательного и вновь плавно перемещается на середину ладони. Не дышу уже минуту, боюсь разрушить мое личное хрупкое чудо.

— Вот так, молодец, у тебя все получается! — Голос отца полон сдерживаемой гордости.

Позволяю себе легкий вздох и отпускаю стихию. С легким хлопком миниатюрный вихрь пропадает, оставляя на душе настоящее торнадо восторга и удовлетворения. Я — смог.

В небольшом проеме между бумажными перегородками двери в очередной раз мелькает встревоженное лицо матери — время обеда давно прошло. Затянулся домашний экзамен изрядно. Все как обычно началось с невинной фразы: «Давай посмотрим, чему ты там научился у старого Макото» — и моментально выскочило за пределы изученного. И ведь не оправдаешься незнанием — будет только хуже!

— Закончили, — отец поднялся на ноги и протянул мне руку, — пойдем посмотрим, чем кормят сегодня в этом доме.

Мне и самому любопытно — уж больно необычные запахи витают в воздухе, наверняка мама «помогла» ветру донести до нас ароматы восточной кухни. Уже около года живу в Токио, а все никак не привыкну. Мама всерьез взялась за освоение японских блюд, но чем они изысканнее, тем больше душа тяготеет по картошке с мясом. Правда, в

открытую такое говорить не стоит — расстроится еще, а я не так часто вижу родителей, чтобы тратить время на обиды. Отец с матерью два месяца из трех в разъездах, слишком много интересов у семьи осталось на старой родине — в России. Хотя лично я помню только пепел на месте родового дома, серые лица родителей и вереницу малознакомых родственников, каждый из которых тянулся погладить бедного ребенка. Кажется, все они что-то говорили, но слова отчего-то забылись. Быть может, потому, что повторяли друг за другом одно и то же да обращались скорее не ко мне, а к матери, что прижимала меня к груди. Слова скорби, поддержки, пожелания терпения и обещания мести. Через неделю последовал переезд, правда, двое братьев и сестра почему-то не поехали с нами. Родители сказали, они придут позже, но все никак.

В Японии все было иначе, по-другому — сложно подобрать слова. Мир внезапно сузился до размеров двора возле дома — дальше меня одного не пускали дядя Гриша с его друзьями — они тоже приехали вместе с нами. В город я выезжал пару раз вместе с отцом — суетливое место, слишком много людей, яркая реклама, велосипеды, мотороллеры, потоки автомобилей — дома было куда спокойней, потому я не рвался сбегать из дома навстречу приключениям, да если честно — и сил особо не было, после занятий с Мако-то-саном.

Учителя мне наняли за неосторожное высказывание в духе: «А что я буду делать, если вы опять уедете?» Случилось это во вторую поездку родителей, первую я благополучно провел возле телевизора, пытаюсь вникнуть в птичье щебетание дикторов — благостное было время! Языка я не знал, учить меня никто и не планировал — семья, как я думаю, хотела вернуться назад, потому первое знакомство с мастером вышло довольно пресным — без уверений в почтении и вводного курса. Старик ткнул в себя, назвал свое имя, а потом выжал из меня все соки физическими упражнениями. На возгласы: «Я больше не могу!» — интернационально отвечала тросточка сэнсэя, каждый раз уверенно доказывая, что вполне себе могу.

Передышки ознаменовывались работой с бахиром — так по-японски называется сила духа, магия, божественная энергия — у каждого народа свое название чуда, что полностью изменило мир в средние века. Потому и названия разные — страны сделали открытие в одно время. Как говорил учитель истории, на планете словно включили огромный рубильник. Фраза вполне может соответствовать истине — в устройстве иных древних сооружений, что стали сотнями обнаруживать после вывода на орбиту первых спутников, так никто и не разобрался. Да и самой силой мы пользуемся далеко не в полном объеме, что не мешает использовать ее в войнах. Бахир позволял значительно усилить человека и даже контролировать стихии, а при достижении вершины мастерства — обрушивать огненные дожди и за секунды выращивать целые леса из ледяных кольев. Правда, далеко не все могли вообще использовать силу, а уж настоящих мастеров можно было перечесать по пальцам что в древности, что сейчас — даже в масштабах планеты. С учетом наследования и усиления способностей от поколения к поколению, уже в средние века начали появляться боевые кланы и роды, с которыми очень быстро стали считаться даже правители империй. Умные вожди заключили пакт о дружбе с кланами, признав их главной опорой державы. И так — повсеместно, власть кланов соседствует с властью государственной. Правда, так уж открыто нам не рассказывали — все же в государстве все живут по единым законам, но додумать не сложно — особенно, когда растешь в одном из боевых родов Российской Империи.

Использовать силу для собственного усиления или убыстрения в тренировках вредный старик запрещал. Только дикой физической усталостью можно объяснить покорное выполнение нудных упражнений — хоть какой-то отдых измученному телу. Первый месяц всего-то водил кончик перышка через лабиринт. За каждое касание узких стенок проход начинается заново. Адово утомительная работа, а если бы не подсказки в духе «делай, как я» от Макото-сана, так завяз бы на первом же задании. Ничего общего с размахом и крушениями на родовом полигоне! Никаких тебе тех-

ник в духе уничтожения боевых роботов в кинофильмах, даже ни единого деревца не пострадало! Как-то я пожаловался дяде Грише, но тот почему-то встал на сторону сэнсэя.

В каждый приезд родителей устраивался небольшой экзамен. Любая неудача — грустное покачивание головой от отца, удача — счастье и гордость в его глазах. Достойная награда. А через полгода на мои неудачи начал реагировать сам сэнсэй. На экзамене он не присутствовал, предпочитая обретаться под тенью деревьев в саду, но неким мистическим образом всегда знал результат. Как и отец, Мако-то-сан не говорил ни слова, но как-то надламывался изнутри, словно не я, а он потерпел неудачу, и не на экзамене, а не меньше, чем в целой войне. Так что вскоре все домашние экзамены завершались не иначе как безоговорочным успехом. Потихоньку пришло понимание японского языка — словарный запас расширялся после занятий с сэнсэем, и не был особенно богат, но уже сейчас я вполне смогу выйти в город, прикупить вещи и даже сориентироваться в токийском метро. Правда, кто же меня, двенадцатилетнего, отпустит...

На обед было нечто, внутри которого можно было угадать разве что рыбу да рис. Но на вкус — вполне себе объедение.

— Сын, — обеденную тишину нарушил рокот отца, — через день мы должны будем уехать.

Вот так всегда — не успели приехать, даже неделю не побыли. Позволяю легкой обиде появиться на лице.

— Не расстраивайся, — мягко вступила мать, — мы на неделю, а потом останемся дома на целый год. А может, даже все вместе вернемся домой. — Мягкая улыбка самого дорогого человека на свете отогнала грусть.

— Не будем загадывать, — поспешил вставить слово отец, — в этот раз с нами поедет дядя Гриша. За тобой присмотреть будет некому, но Мако-то-сан согласился взять тебя к себе.

— Как скажете, — легко согласился я. У сэнсэя я уже гостил пару раз, и это были самые яркие дни в серости и ру-

тине ежедневности, если не считать дней приезда родителей. У старика оказался неожиданно огромный дом с шикарным, раз в десять больше нашего, садом. Наравне со всей этой красотой обнаружилась и полоса препятствий, прохождение по которой изрядно поумерило мои восторги. Но все же в доме Мамото я не чувствовал себя запертым в четырех стенах, а иногда даже путал с родным загородным поместьем. А уж если к старику приезжали внучки, то времени на грустные мысли вовсе не оставалось — тут бы выжить в совместных тренировках. Внучки не привыкли сдерживать силу в спаррингах с дедом, а сам сэнсэй отчего-то решил, что и я выдержу такую нагрузку. Судя по тому, что я все еще жив и здоров — Мамото-сан оказался прав, исключая пару случаев, когда сэнсэй вытаскивал меня из схватки за секунду до гибели. Суровая вышла школа, но дико интересная! Океан адреналина, вкус победы и жар борьбы!

— Мы записали тебя в школу, так что через месяц готовься, — подмигнул отец, — нечего бездельничать.

«Конечно же бездельничать!» — хотел было возмутиться я, но вовремя остановился, уловив нотки грусти в глазах матери.

— Твоя учеба оплачена полностью, как и учеба у Мамото-сана. Возьми кредитку, — через стол пролетел пластмассовый прямоугольник, — пользоваться умеешь, — утвердительно произнес отец, — надеюсь на твое благоразумие.

— Так вы же только на неделю? — Я обескураженно рассматривал логотип «Визы» на черной поверхности.

— Мало ли что, — уклончиво ответил отец.

— Все будет хорошо, — подбодрила мама и взяла меня за руку.

Следующий день я сохранил в памяти навсегда. С самого утра и до поздней ночи мы носились по городу, объехали множество мест, а самое главное — были обычной счастливой семьей. Я изображал из себя гида и служил переводчиком под насмешливыми взглядами матери, пока отец не разразился длинной речью на чистом японском, устав подхихикивать над особо удачными моими переводами.

Я даже не расстроился: уж сильно утомительное это дело — думать на русском, а говорить по-японски. Словом, отличный был день, даже дядя Гриша под конец поучаствовал — шумная компания хотела было завязать беседу с родителями, но внезапно им стало очень-очень плохо, а дядя вызвал им «скорую». В суете дядя Гриша подарил мне еще одну кредитку, с пин-кодом, приклеенным на тыльной стороне, а под самую ночь еще один прямоугольник пластика незаметно положила мама. Вернее, это она считала, что незаметно, но после занятий с сэнсэем моя чувствительность стала чуть ли не болезненной, потому я не особо любил большой город. Ночь перед отъездом родных практически не спал, душу рвали тоска и желание умолять отца никуда не ехать, но кто послушает глупого ребенка? Вся возня с кредитными картами (а утром нашлась четвертая, уж и не знаю от кого), помноженная на отъезд дяди Гриши и вроде как короткий срок разлуки, вызывала ощутимую тревогу.

Как оказалось, не напрасно.

Через полгода после этого разговора я официально принял тот факт, что они не приедут. Ко мне в свое время подходил и Макото, и друзья отца с родины. Все они пытались мягко намекнуть, стараясь особо не травмировать, что родных больше нет; никого — ни отца, ни матери, ни дяди, ни его друзей. Я не верил, ждал, однако со временем пришло смирение.

Мир не исчез и не разрушился, все так же ночь сменяла день. Все так же шли тренировки, средняя школа, снова тренировки, сон. Но из души словно выдернули очень важную часть.

Мягко шелестит трава над головой, впереди — бездонная глубина неба, без единого облачка. Если отпустить фантазию в полет, то можно представить, что лежишь среди огромного зеленого леса, который возносится на сотни метров ввысь. А может, даже небо вовсе не вверху, и если отпустить траву из рук — упадешь в бездонный небесный океан.

Всего в паре метров от ограды средней школы уже не так

педантично относятся к благообразию подстриженных газонов, вот и обнаружился пяточок невыкошенной травы между деревьями, как-то сам по себе превратившийся в мое любимое место уединения. Не доносятся крики мелкоты со школьного двора, не шумит автострада, да и мало кто рискнет чистотой школьной формы, пытаюсь разведать окрестности. Мне-то без разницы — подушка воздуха вокруг формы не даст испачкаться или застудиться на холодной весенней земле.

— Дима! Я знаю, что ты здесь! — Звонкий вопль Ай заставил вжаться в землю и изо всех сил прикинуться бревнышком. Я же говорил про внучек сэнсэя? Ай — одна из них, самая спокойная и добрая.

Лезвие ветра срезает травинки в паре сантиметров над носом, ни в чем не повинная трава моментально закрывает взор и предательски щекочет кожу.

— Ди-има! Следующее лезвие пройдет на пять сантиметров ниже. — Строгий голос девушки заставляет перекинуть доступные мне силы в доспех духа. И вот как у доброго, спокойного Макото-сана могут быть в родственницах такие отмороженные девки? И ладно еще Ай, та же Юко безо всяких разговоров просто запустила бы лезвие чуть выше земли.

— А-а-пчхи! — Сознательно демаскирую себя. Как-то не хочется проверять, что крепче — мой щит или удар «ветерана» — так звучит бойцовский ранг, равный нашему «витязю» — что-то вроде пятого-шестого дана.

— Вот ты где! — Победный тон разносится совсем рядом, после чего меня бесцеремонно хватают за ногу и тащат предположительно в сторону школы. — Я тебя ищу уже десять минут! До конца выпускного экзамена остался всего час, а ты дрыхнешь! — ворчит Ай.

— Ай, милая, — я пытаюсь выдернуть ногу из стального захвата, — Ай, стой!

Да что б ее! Ветер отзывается на просьбу-приказ и моментально сплетается вокруг ноги целеустремленной девушки. Теперь немного подкорректировать падение и Ай с визгом падает прямо в объятия.

— Ай, я уже все сдал. — Уверенно смотрю в изумрудные глаза. Между нашими лицами чуть меньше ладони, ее руки на моих плечах, мои ладони удерживают девушку за мягкие... — о-у, а вот это уже может быть проблемой.

— Да? А мне почему не позвонил? — ошеломленно переспрашивает девушка, пытается привстать и... осознает местоположение моих рук. Лицо заливается краской, а глаза начинают знакомо прищуриваться. — Ди-им-ку-ун, — шипяще, слегка растянуто произносит Ай.

«Хьюстон, у нас проблемы». Я бы сказал — срочно нужен «КамАЗ» для фронтального удара по организму, это будет менее болезненно.

— Ай, ты сегодня такая красивая! — стараюсь заболтать без пяти минут убийцу и мягко перевожу ладони с приятных округлостей чуть выше. — А эта прическа тебе особенно идет! Отличный вкус!

— Спасибо, — смущается девушка и одной рукой направляет сбившийся локон.

А-а! Чего мне терять, хоть не так обидно помру. Руки моментально перемещаются Ай на плечи и не дают уклониться от поцелуя. Воздух помогает мягко перевернуть девушку, не разрывая прикосновения губ. А теперь — бежать!

— Стой, извращенец! — Еле ухожу от вполне боевого Воздушного серпа. — Стой, хуже будет!

Куда уж хуже — дерево чуть впереди того места, где я был секунду назад, с гулом распадается на две части. Устраивать схватку точно не стоит: в таком состоянии Ай школу снесет и не заметит, а значит — бежим!

«Идеальный срез», — моментально отмечаю, уклоняясь от падающего дерева, и перекатом ухожу от Воздушных верев. Ах, какой был прекрасный парк! Позади в хаосе щепок взбешенной фурией шагает Ай, щедрыми мазками рисуя вокруг сцены из кошмарных снов маньяка-лесоруба.

Вот она — спасительная оградка средней школы! Еле ухожу от чего-то полупрозрачного справа, а вот оградка в маневрах ограничена — с глухим ударом отрезанная часть ворот ухает об асфальт.

— Что-то случилось? — в метре передо мной внезапно возникает Юко.

«И ведь секундой ранее не было ее» — пронесется в голове бесполезная мысль. Бесполезная потому, что робот-убийца в облике милой девочки уже подходит к границе школы.

— Ага, — смиренно соглашаюсь с внучкой сэнсэя. — Ну, я пойду, вы уж между собой сами решите! — и сделав ручкой, прошмыгиваю в двери школы.

— О, Березин-кун! Ты-то мне и нужен, — радостно встречает меня преподаватель по информатике, бесцеремонно цапает за руку и тащит на второй этаж. — Опять сбой, понятия не имею почему.

И что за манера у всех сегодня — тащить меня без спроса? Хотя что скрывать — мне и самому интересно. Информатика — единственный предмет, не вызывающий в школе желаний биться головой о парту. Структурированные строки английского языка, английская документация — вот где рай! Тишина и сосредоточенность под мерный стук клавиш. Это вам не ад японского языка, японской истории и японской литературы. Математика и физика еще кое-как спасали в безнадежном океане информации чужой культуры, скрашивая пятерками стройные ряды «хорошо» по гуманитарным предметам. По информатике же было что-то вроде «пять с бонусами» — теми самыми бонусами, что превращали мои честные «тройки» в «четверки». Учебное заведение получило гранты вычислительной техникой и буквально захлебнулось в роскоши серверов и компьютеров, так как обслуживать все это добро предлагалось собственными силами. В школе же информатику-то проходили на уровне текстовых редакторов, что отражало уровень подготовки самого учителя — какие им серверы? Вот и пришлось доброму Диме впрячься в процесс информатизации родного заведения; не бесплатно, само собой.

— Так, что тут у нас? — мудро заявил я, приватизируя бесхозную кружку с горячим кофе возле клавиатуры. — Кхм, это мы мигом.

— Вот и отлично! — просиял учитель. — А кофе я себе еще налью, не переживай.

Да я и не переживаю, что уж. Пока преподаватель ходил в учительскую, заглянул в камеры наблюдения за двором. Надо же — никакого хаоса и погромов, две сестрички мило устроились на скамейке возле входа и о чем-то шепчутся. Что все мирно — хорошо, а вот сговор двух фурий вызывает определенное беспокойство.

— Такаши-сан, вы не против, если я задержусь в школе допоздна? — спросил я у вернувшегося с новой кружкой преподавателя. — Возникла новая проблема, возможно, придется работать всю ночь.

— О-у, Дим-кун, а тебя отпускают дома? — взволнованно уточнил Такаши и поставил свою кружку на стол.

— Конечно! Я предупрежу по телефону, — бодро отозвался я. Лучше мне тут денек пожить, честно говоря. Или два, больший срок сестры обычно не злятся.

— В таком случае как скажешь, — радостно кивнул учитель. Еще бы, ему за мою работу платят очень даже солидную сумму, но я не в обиде, денег хватает.

На четырех родительских карточках оказалось больше, чем обычный человек способен потратить за жизнь, даже с учетом капитальных трат — на машину или жилье. Естественно, если задаться целью промотать — то и на месяц не хватит, но я вполне скромнен в запросах. Очень скромнен — переключая внешнюю камеру на вид парковки. Двухколесный тысячекубовый монстр терпеливо дожидается своего всадника. Вот что примиряет меня с муравейником японской столицы, духотой токийского метро и дикими пробками — сила и свобода чуда технологической мысли. Владение воздухом пресекает любые аварийные ситуации. Правда, водить в шестнадцать лет нельзя, но, как оказалось, с подделанными правами — можно. Увы, не сегодня — вздыхаю я.

— Дима.

Ледяной тон заставляет вздрогнуть. И почему я решил, что в безопасности?

— Да, драгоценные мои. — Копирую выражение лица кота из известного мультика. Не помогает.

— Я хотела бы видеть тебя сегодня на додзе. — Ай чеканит фразу, словно гвозди забивает в крышку гроба.

— Тебе не понравилось? — Смущенно отвожу глаза. — А я так старался...

— Что не понравилось? — подозрительно произносит Юко. Вот опять — ведь секунду назад ее не было!

— Ничего особенного! — Маска невозмутимости на лице Ай на мгновение разбивается, открывая лазейку смущению.

— Первый поцелуй в моей жизни ты называешь «ничего особенного»? — горестно вздыхаю я. — Зачем мне тогда жить!

— Ай? — Юко грозно нависает над сестренкой.

— Я... он... — Глазки Ай бегают, на щеках выступает обличительный румянец. — Он все врет!

— Ничего подобного! — на этот раз возмущаюсь я. — У меня есть запись с периметра слежения. Сейчас принесу!

Пылая праведным гневом, целеустремленно покидаю кабинет. Рука в кармане на ощупь отстукивает Такаши эсэмэску: мол, все уже сделано; а сам я напьюсь и выпрыгну в раскрытое окно коридора. Ветер мягко и беззвучно позволяет приземлиться. Еще один рывок — и двигатель «хонды» взрыкивает разбуженным монстром. Покореженные ворота распахиваются от порыва ветра, выпуская байк вместе со мной на простор дороги. Спасение!

— Дима, я жду объяснений, — мягко шепчет голос Юко на ушко.

Еле удерживаю руль прямо и осторожно смотрю в зеркало заднего вида. Холодный комок прокатывается по горлу. Позади, слегка прижавшись ко мне, недобро улыбается сестренка Ай.

Что менее болезненно — объясняться с девушками, выброситься с эстакады или вырулить на встречную полосу перед грузовиком? Хм. Кстати, а почему мы не движемся? Недоуменно смотрю вниз: колеса в бешеном темпе крутят-

ся на ладонь выше земли. Глушу мотор, цепляю шлем на руль и поворачиваюсь к Юко.

— В общем, все было так, — деловито начинаю, — я лежал на моем любимом месте, пришла Ай. Начала меня тащить на экзамен и даже слушать не стала, что я его уже сдал. Поэтому я повалил ее на землю, а чтобы она не ударилась, придержал за попку. Вот так. — Мои руки обняли Юко в указанном месте. — Ай захотела меня убить — вот прямо как ты сейчас, ага, именно такое выражение лица у нее было, — поэтому я решил сбить ее с толку, обнял за плечи, — мои руки плавно переместились выше, — и поцеловал, — я бесцеремонно прижался губами к губам Юко, — вот примерно так. Потом Ай чуть не располовинила меня надвое, и я решил сбежать. Отчет закончен.

Мотоцикл брякнулся колесами о землю. От Юко волнами растекалось то, что у японцев называется «яки» — по-нашему «жуть кошмарная, смертоубийственная».

— Ах да, я еще похвалил ее прическу! — Я слегка хлопнул себя по лбу, слез с байка и уточнил, пересиливая нескончаемый поток яки: — Придержи руль, пожалуйста.

Девушка механически схватилась за ручки, слегка продавливая их своей силой.

— Умница! Надеюсь, ты умеешь его водить? — Я одним движением включил двигатель и отпрыгнул в сторону.

— Кв-и-и-и! — раздался крик в сотне метров впереди, продолжая удаляться.

А теперь — бежать, очень-очень быстро бежать!

Мягко тренькнул телефон в кармане — Макото-сан собственной персоной!

— Да, сэнсэй? — уверенно ответил я, не снижая скорости.

— Дима, у тебя все хорошо? — Голос старика выражал нотку беспокойства.

— Все отлично, Макото-сан! — бодро отозвался я, огибая очередной столб.

— Внучки звонили, сказали ты в больнице с тяжелыми переломами, — в голосе появились ехидные нотки.

— Нет, я цел и здоров! — Правда, чуть не споткнулся от такой информации.

— Вот как? Это радует. Ничего не хочешь добавить?

— Что бы они ни говорили, не верьте им, пока не увидите тело! — Выключаю связь и беру резко влево. Вот он — зев входа в метро.

Автоматически пристраиваюсь к широким людским рядам и даю эскалатору увезти себя в чрево подземной змеи.

Куда бы отправиться сейчас? А пойду-ка я за новым байком! Вагон метро вжал меня в тела попутчиков и поумерил хорошее настроение. Вот так — в любой час времени, хоть утром, хоть вечером. Сотни людей втискиваются в прямоугольник пространства, упираются стеклянным взглядом в стены и медитативно покачиваются в такт движению. Один воздух на всех, кроме меня. Все-таки есть плюсы в контроле над стихией. Правда, соседи недовольно косятся на мой пяточок свободы, но влезть внутрь него им не удастся. Мягкий голос объявляет мою станцию, толпа, словно пробку, выдавливает тело из вагона. Вот потому я люблю байк и резко негативно отношусь к общественному транспорту — он видится мне ленивым монстром, пережевывающим людей всю поездку, чтобы брезгливо выплюнуть под конец. Брр.

На рынке редко интересуются подлинностью документов, это вам не магазины с кредитными историями. Так что уже через час аналог моего старого байка нес меня по улицам. Чуть впереди воздушная линза убирает сопротивление воздуха и повышает аэродинамику двухколесного монстра. Заодно — страхует от аварии. Идиотов за рулем тут не меньше, чем на моей родине, потому приходится быть вдвойне бдительным, но пока проносит. Даже в случае аварии я останусь жив, однако последующие разбирательства со страховками (или, быть может, — жертвами другой стороны) — вещь неприятная.

Что бы поделать следующие два дня? Экзамены завершены, средняя школа подержит у себя еще недельку наши документы, а потом вернет вместе с аттестатом зрелости. Дальше — старшая школа на три года или работа. Старшую школу родители не оплачивали, так что выбор полностью

на моих плечах. Я не замахиwaюсь на элитные заведения, но потребность в «корочке» дипломированного спеца понимаю отчетливо. В Японии образование — не пустой звук. Это на родине от студента требуют «заносить деньги» и «приносить зачетку», о чем большинство работодателей вполне в курсе. Тут же иначе: нет диплома — значит, судьба рабочего ждет, а заодно и запрет на занятие большинства управляющих должностей. Да и отношение... незавидное.

Мягко тренькнул телефон, давая знать о пришедшей эсмэске.

«Возвращайся, мы тебя простили».

А как же, уже несусь. Нет-нет, срок полураспада гнева внучек мне известен, раньше двух дней дома делать нечего.

Видимо, подсознание взяло руль в руки — иначе не объяснить, что перед глазами оказалась вывеска старшей школы Данашафу. Наперерез уже бежала пара охранников, яростно махая руками: мол, кыш отсюда. Элитное заведение для аристократии, да еще в период подачи документов — вот охрана и суетится. Всего в городе четыре школы с приставкой «элитная» — Данашафу воспитывает техников, Дакисюро завязана на боевые искусства, Ширубари готовит командный состав для армии, Сейджо — обитель целителей, способных поставить на ноги полумертвого. Вот только попасть в них нереально, даже если у тебя огромная гора денег. Неплохое здание — автоматически отметил я, глядя на трехэтажный корпус из стали и стекла. Лениво развернулся, обдав пылью незадачливых секьюрити, и отправился на север города.

Так и так — необходимо где-то ночевать. В душе вновь возникло знакомое чувство борьбы. Много лет я не был в доме, где раньше мы жили с семьей. Память ранит куда сильнее железа, чувства смешивают мысли и рожают панику. Я старался спрятать воспоминания о былом — не отказаться или забыть, а именно спрятать, чтобы они не мешали мне жить, не давили гнетом тяжелых мыслей. Все равно я не мог сделать ничего — на родине не осталось знакомых, новости из России констатировали давно известные факты: род Березиных уничтожен, герб перевернут. Никаких

деталей; даже те знакомые родителей, что время от времени оказывались рядом, мало что могли пояснить — был бой, погибли все — и чужие, и свои. Остался один я, но, видимо, кланы посчитали удобным завершить конфликт на уровне уничтоженных родов. Наследство — в четырех карточках «Виза», остальное давным-давно поделено и растащено кланом.

Старик Макото рекомендовал забыть прошлое и начать все заново. Я изобразил согласие, до поры до времени скрыв эмоции в глубине души.

Сегодня пришло время растревожить старые чувства, вспомнить свои корни перед очередным шагом во взрослую жизнь. Дом совсем не изменился с тех пор: за садом ухаживали слуги, не давая ему одичать. Официально земли и здание принадлежали какому-то древнему японскому роду, но за заслуги моей семьи отданы нам в аренду на сотню лет — отец перестраховался даже тут, оформив документы лично на меня. Думаю, он знал степень риска, и четвертая пластиковая карта — самая «богатая» — была тоже от него.

— Приветствую, Березин-сан, — механически поклонился слуга, — мы вас не ждали, покорнейше просим подождать двадцать минут, ужин будет готов.

— Спасибо, — кивнул я в ответ. И как его звали? Совсем вылетело из головы.

Я обошел все комнаты, посидел на постели родителей, повалялся на своей кровати, завершив обход в тренировочном зале.

— Добрый вечер, сэнсэй. — Вот так встреча. И ведь слуга ни словом не обмолвился о госте, наверняка дед попросил. Культ возраста в Японии развит так же, как культ личной силы, — да и старика слуги знают.

— Прости за визит без приглашения, — слегка поклонился Макото-сан, — я решил, что ты придешь сюда.

— Что-то случилось? — поддерживаю беседу, не совсем понимая, что говорить.

— Если ты про проделки девочек, то это пустяк, — отмахнулся учитель.

Ничего себе пустяк! Полпарка распахали! И ладно мы уже завершили учебу — не придется выслушивать очередную нудную речь от директора, — но счет он явно не поленится выставить!

— Да не убили бы они тебя, — ухмыльнулся сэнсэй, — а захотел бы — мог и сам их скрутить.

— Вот еще — бить девчонок, — буркнул я.

— Хе-хе, — довольно сощурился старик.

— Вы ведь не за этим пришли? Не мирить же меня с внучками? — решил я спросить напрямик.

— Верно, я хотел поговорить о твоём прошлом и будущем. Ты уже выбрал себе школу?

— Нет, — развел я руками, — думаю, что-то поближе к дому. Разницы особой нет.

— Разница есть, — отозвался старик и принялся задумчиво теребить кончик бороды, — сегодня пришел запрос на твоё имя в школу, из России. Объявился опекун.

— То есть? Кто-то выжил из рода?

— Нет, — вздохнул старик, — опекун из главного рода твоего старого клана. Их интересует твоё наследство, а не ты.

— Так у меня же все забрали? — Вопросительно поднял бровь.

— Все, да не все, — хекнул сэнсэй, — большинство компаний, которые принадлежали вашей семье раньше, акционерные, их крупные паи находятся в руках иностранных фондов, обычная практика.

Я кивнул — вполне нормальная ситуация. Порой вообще не понятно, кому принадлежит компания. На фасаде одни лица, а на самом деле — мутные фонды, зарубежное участие. Такое сплошь и рядом. Покупаешь немецкое — а оказывается, что фирма давным-давно принадлежит Китаю.

— Так вот, большинство фондов, в свою очередь, принадлежат другим фондам, эти фонды — ещё одной цепочке собственников, пока все не доходит до ма-аленькой фирмы на Каймановых островах, сто процентов акций которой принадлежат некому Дмитрию Березину. Этот факт вскрылся совсем недавно, вот пираньи и всполошились.

— Что будет дальше? — Я примерно представляю сам, но хочу узнать мнение старика.

— Сложный вопрос, — нахмурился старик. — Я бы сказал, что тебя убьют, но не все так просто. Главный род клана решил взять куш себе — у них в последнее время наблюдаются трудности с финансами. В этой связи два решения — опекунство с последующим разорением управляемых фондов или насильственный перевод собственности. Заставят подписать бумаги, и все. Но вот незадача: вся информация вышла на поверхность — ведь даже до меня дошли слухи. Убивать тебя никто не будет, более того — твой герб восстановлен.

— Вау, — безо всякой радости отреагировал я, чтобы не молчать.

— Так что, граф Березин, мои поздравления, — иронично кивнул дед. — Род восстановили, чтобы ограничить вмешательство извне. Дела клана, в который входит род, — только дела клана, и ничьи больше.

— Так, значит, опека?

— Именно, опека уже зафиксирована в суде. Пираньи получили доступ к накопленным на счетах процентам, однако лимит доступа к финансам весьма жесткий.

— Короче, им мало, — утвердительно кивнул я.

— Так и есть, — вздохнул сэнсэй, — все запутано запретами настолько сильно, что им теперь нужен лично ты в качестве близкого родственника. На короткое время. После твоей смерти все отойдет жене, а значит — клану.

— Что делать? — Я просчитывал варианты, но все вышло довольно безрадостно. Макото-сан способен помочь советом, но не вступит из-за меня в войну. У него внуки, да и род не самый сильный, хоть и весьма древний. Увы, древность не означает богатство, а если нет денег — нет и личной армии. Да и повод — война с законными опекунами за наследство сироты — звучит так себе. Под такой флаг союзников не соберешь.

— Тебе придется исчезнуть, — вздохнул дед и протянул мне стопку документов, — теперь ты Хакамадо Итиро, простолюдин.

— Сэнсэй! Какой я, в пень, Хакамадо? Вы мое лицо видели вообще?

— Не жужжи и бери, что есть, — проворчал старик, — с понедельника пойдешь в Дакисюро.

— Да вы не иначе смерти моей хотите! Простолюдин с японской фамилией и европейским лицом идет в самую элитную школу Токио! Давайте скинемся сумасшедшему на веревку с мылом! — воздел я руки ввысь.

— Ты не спросил самое главное — зачем я заплатил кучу денег и обзвонил десятки людей, чтобы найти для тебя местечко, — сухо ответил старик.

— Простите, сэнсэй. — Я виновато склонил голову.

— У тебя талант. Нигде в Японии нет учителей боевых искусств лучше, чем в Дакисюро, — хлестко говорил Мако-то-сан. — Если ты сломаешься — значит, я в тебе ошибся.

— Как бы шею не сломали, — проворчал я.

— Выдюжишь, — отмахнулся старик, чуть помолчал и продолжил: — Ты как-то спрашивал, почему в моем кабинете нет ни одной фотографии погибших сыновей.

Было такое. Я даже подумал, что в Японии такой обычай, потому и спросил, но старик отшутился в тот раз. Он вообще не любил говорить на эту тему, даже после пары бутылок рисовой водки — каюсь, специально подгадывал такие моменты для расспросов.

— Мне не нужны их фотографии, — заявил сэнсэй, — потому что их образы всегда со мной, — и пару раз громко щелкнул пальцами.

В зал тут же вошли слуги, поставили столик с едой, а также несколько маленьких бочонков с разноцветным песком, после чего вышли, плотно закрыв за собой створку.

— Смотри.

Еле уловимое дыхание бахира. Бочонки окутываются легкой дымкой. Ветер подхватывает песок и поднимает его в воздух разноцветными облаками. Через некоторое время облака сталкиваются, переплетаются, проникают друг в друга, чтобы подплыть к столу живыми, настоящими фигурами двух молодых мужчин и красивой женщины. Под шелест песка фигуры занимают места за столом.

— Зачем мне фотографии, — вздохнул старик, улыбнулся мне и сел за стол, жестом приглашая присоединиться.

— А я смогу вот так сделать фигуры отца и матери? Братьев и сестры? — сглотнул я твердый ком в горле.

— Контролю научат в Дакисюро, — кивнул дед. — Все зависит от старательности, только одно «но».

— Слушаю. — Я развернулся к сэнсэю.

— В школе учат техникам. Тебя я учу иначе, поэтому старайся не демонстрировать свои способности окружающим. Не больше тех же техник. — Старик внимательно смотрел в мои глаза, проверяя, правильно ли я его понял.

— Как скажете, учитель. — Я покорно кивнул, соглашаясь. Моя учеба действительно была очень своеобразной — по крайней мере, я не видел аналогов. Этому Макото-сан учил только меня, с внучками он занимался изучением традиционных техник бахира. Несмотря на прямое разрешение сэнсэя, в спаррингах с девушками мы использовали только стандартные техники. Потому как я боялся увидеть в их глазах страх и ужас, боялся разбить то теплое чувство, что выросло между нами из дружбы и привязанности. Все необычное пугает, особенно если способно вызвать боль.

— Школа имеет уклон в изучение разнообразных боевых искусств. Каждый может выбрать себе направление и вступить в соответствующий клуб. Пойдешь в тот клуб, что я укажу. Выбор будет очень обширным, не соблазнишься легкими решениями.

Какие тут соблазны, если главный — прямо перед глазами? Я завороженно следил за живыми и естественными действиями песочных иллюзий и мечтал, что когда-нибудь соберу всю семью за столом, пусть даже так — иллюзорно. И горе тем недоумкам, что посмеют мне помешать.

ГЛАВА 2

Старый Макото подозрительно посматривал на ангельские лица внучек и все не мог решить, стоит ли делать важные объявления сегодня или подождать неделю. Дед пре-

красно знал характер двух оторв и четко осознавал: если они ведут себя прилично — жди большой беды. Предчувствие слегка заглушало письмо на бланке средней школы, вежливо уведомлявшее главу рода о величине погрома, уничтоженном парке и выломанной ограде. Круглый ценник материального и экологического ущерба позволял надеяться, что внушки ведут себя прилично именно по этой причине, но что-то на сердце Кавати Макото было неспокойно.

Вечернее собрание всей семьи за общим столом в роду Кавати — довольно редкое явление, да и пойдя собери семью, разбросанную по всему Токио! Дела рода требовали личного присутствия матерей Ай и Юко, после гибели мужей взявших бразды правления в свои руки. Понятно, в кого были характером внушки, хмыкнул про себя дед, мысленно отмечая волевые лица дочек. Обычно общий сбор проводился ради важных объявлений, а не самой встречи. Сегодня повод был праздничным и торжественным — внушки завершили среднюю школу и готовились к поступлению в старшую. Выбор которой и предстояло осуществить.

— Кхе-кхе, — откашлялся глава рода, привлекая к себе внимание, — рад всех вас видеть в сборе.

— А где Дима? — невинно похлопала ресничками Юко.

— Юко! — шикнула ее мама и виновато поклонилась в сторону Макото.

— Так вот. День клонится к ночи, потому не буду тянуть. Друзья сделали щедрый подарок на старости лет, достойный ума и талантов моих любимых внушек. — Старик приосанился. — Девочки могут выбрать любую из четырех великих школ Токио. Вопросы поступления будут решены положительно.

— А Дима куда идет? — перебил тонкий голосок.

— Ай, как не стыдно! Продолжайте, Макото-сан.

— Гхм, роду не помешал бы свой целитель, потому было бы неплохо отправить одну из вас в Сейджо. Достойная, уважаемая школа. — Дед заметил умоляющие глаза внушек, глубоко вздохнул и добавил: — у Димы сложная ситуация.

Я не хотел бы касаться этого вопроса сейчас. И не надо на меня так смотреть! Юко! Ай! Да в Дакисюро он идет, но не под своим именем!

— Дедушка, а можно я в Дакисюро! — хором выпалили внучки, и теперь недовольно смотрели друг на друга.

— Ай, милая, у тебя доброе сердце, ты будешь отличным целителем, — первой опомнилась Юко и мягко улыбнулась подруге.

— Юко, настоящему целителю требуется хладнокровие, кому как не тебе этим заниматься? Я считаю, тебя ждет судьба великого целителя! — отозвалась Ай, отзеркалив улыбку.

— Нет, милая, ответственность и забота — вот настоящие добродетели врача. Разве не эти качества ты видишь в зеркале? — Юко накрыла ладошкой руку подруги и чуть-чуть сжала.

— Лечение требует точности и трезвого мышления, увы — мне далеко до тебя. — Ай еле вытащила руку и чуть отодвинулась от стола.

— Ты себя недооцениваешь, — пожурила Юко подругу, — если кого и называть светлым умом — то только тебя.

— Посмотри на должность врача с другой стороны! — зажглась Ай идеей. — Ты сможешь лечить дедушку, меня, даже Диму!

— Вот уж не горю желанием лечить этого при... прекрасного юношу, — мрачно отозвалась Юко.

— Ты сможешь бить его и лечить, бить и лечить! Отрывать ногу и пришивать обратно! — вдохновенно вещала Ай.

— Заманчиво. — Собеседница склонила голову набок и мечтательно прикрыла глаза.

— Гхм-гхм! — громко обозначил свое присутствие дед. — Оставьте мальчика в покое! Вы уже взрослые девушки, к тому же помолвлены, а так недостойно себя ведете! — пожурил дед внучек и только под конец фразы понял, что проболтался.

— Помо-олвлены, — первой отреагировала Юко, — как интересно-о.

— С кем? — зажглась интересом Ай.

— Вы их пока не знаете, это сыновья моих хороших друзей, — буркнул Макото-сан, проклиная про себя свою несдержанность.

Девушки почему-то понурились и грустно переглянулись.

— Не на Диме? — робко промолвила Ай.

— Дочка! — в очередной раз шикнула на нее мама. — Простите, Макото-сан. Девочки знают, что такое долг перед родом, ведь так? — сурово взглянула она на сжавшуюся Ай.

— А вдруг мы им не понравимся? — Юко взглядом снайпера посмотрела на деда.

— Такие красивые девушки не могут не понравиться, — неуверенно улыбнулся дед. Вот оно — не подвело предчувствие, быть беде!

— Деда, дай нам с Ай их телефоны или адреса, ну, пожалуйста! — молитвенно сложила ручки Юко. — А мы лично спросим у этих смертни... замечательных молодых людей их мнение о нас!

— М-да? — Глава рода не знал, куда девать руки под прицельными взглядами любимых внучек.

— Дедушка, ну не будешь же ты нас скрывать от них до свадьбы! — похлопала ресничками Ай.

— Предупреждаю, один из них «ветеран», а второй почти «учитель»! — Старик привел последний довод.

— Дедуленька, ну, миленький, ну, пожалуйста!

— И у них есть охрана! В боевых доспехах!

— Де-ду-шка! Мы только познакомимся, может, даже в кино сходим, — мечтательно произнесла Юко.

— В кино не надо, — потянул узкий ворот глава рода, — назначьте встречу на окраине, где поменьше людей.

— Макото-сан? — непонимающе посмотрела на него дочка.

— Не обращайтесь внимания! — махнул рукой старик и мрачно уставился в столешницу. Разорвать помолвку? Дело простое — пока что все обговорено на уровне легких намеков и многозначительных шуток, урона репутации не будет. Нет! Пусть привыкают к характеру будущих жен!

— Мама, все будет хорошо! — Ай предвкушающе потянулась, материализуя в руке Клинок воздуха.

— Но потом вы пойдете в Сейджо, обе! — мрачно заявил дед.

— Давайте отложим этот разговор? — проворковала Юко. — Быть может, наши избранники пойдут в другие школы и захотят увидеть нас рядом?

«О нет, — схватился за голову старик, — все это очень плохо кончится!»

Сложно было винить внушек в привязанности к парню после стольких лет дружбы. Да что говорить, если сам старик давно считал Диму чуть ли не внуком.

Смешно вспомнить, с чего началось их знакомство — глава рода Березиных попросил своих японских партнеров найти сэнсэя парню. Казалось бы, чего проще, в Токио полным-полно школ и преподавателей, но уважаемый клан побоялся ударить в грязь лицом и немного переборщил. Если можно назвать словом «немного» ночной звонок одному из семи проживавших в Японии «виртуозов». Макото не смог отказать в просьбе старому другу и уже следующим утром наблюдал перед собой нескладного хмурого паренька.

Если быть откровенным с самим собой, имелось в согласии нечто большее, чем уважение к соратнику по былым битвам. В душе Макото зияла дыра вины за потерю сыновей. Каждый раз в памятный день их гибели старик запирался в своем кабинете и за бутылкой рисовой водки обвинял себя в смерти детей. Не выучил, не смог, его вина, его боль. Дети родились с потенциалом как минимум «мастеров», но завершили жизненный путь в ранге «учителей». Казалось бы, большинство могло только завидовать столь высоким рангам, а если бы друзья узнали о самобичеваниях старика, то наверняка покрутили пальцем у виска — виданное ли это дело? Мастер в двадцать семь лет! В таком возрасте надо «учителю» радоваться как благословию богов. Но Макото думал иначе.

Со временем «виртуоз» настолько срастается с родной стихией, что начинает чувствовать ее, ощущать как продол-

жение самого себя. И где-то на грани отождествления себя со стихией приходит парадоксальное знание. Мысль настолько простая, что покажется бредовой уже в следующую секунду. Она переворачивает все представление о прогрессе воинского искусства и рангах, техниках и школах. Мысль, пришедшая к старику уже после гибели сыновей. Именно шанс ее проверки Макото увидел в предложении побыть наставником. Даже в случае неудачи ему не скажут дурного слова, а результат ошибки вскоре отправится в далекую Россию и не будет смущать возможностью повторной встречи.

У Макото все получилось. Было в этом факте куда больше, чем простое удовлетворение от победы. Уже через полгода старик не смог воспринимать парня как результат эксперимента. Макото понял, что привязался, иначе бы покинул семью Березиных сразу же, как получил нужный результат. На его глазах шел небывалый прогресс, успехи парня отзывались нотами гордости в душе. Подобное дед чувствовал только от занятий с внуками, но то девочки — с ними приходилось деликатничать. Следующий рост привязанности произошел в момент встречи двух стихий — бушующего океана энергии Ай и Юко с холодным фронтом разума Димы. Результат превзошел все ожидания — девочки всерьез занялись боевыми искусствами после того, как им накостылял симпатичный ровесник, «который даже не «воин!»». А еще они снесли гостевой дом до фундамента, но это мелочи. Главное — внуки стали постоянно жить у деда, донимая показать «новую убийственную штучку, чтобы снести башку тому зазнайке!», а у Березиных он учил «новым защитным штучкам, чтобы эти идиотки не снесли мне башку». Макото отдыхал душой.

Через год после знакомства родители Димы погибли. Старик знал все: как, кто и почему предавал богатый род Березиных. Их вывели на цель, показали убийц детей, дали собрать абсолютно все силы, после чего захлопнули мышеловку. Род был слишком богат, претендовал на выход из клана и самостоятельность, за что и поплатился. Макото уберег ребенка от тяжелого знания, тщательно фильтровал

посетителей и информацию — власти старому «виртуозу» хватало с избытком. Казалось бы, все закончилось — парень вырос, похорошел, и дед даже подумал женить его на внучках — а что такого? Второй «виртуоз» в роду — дело приятное, хе-хе. Да и надо быть слепцом, чтобы не видеть, как на него смотрели девочки. Но не тут-то было: через четыре года затишья пираньи российского клана вспомнили о незащитной жертве. Аукнулась Диме предусмотрительность отца, хоть и была она проявлена из лучших побуждений. От такого наследства проще избавиться, чем пытаться сохранить. Жизнь — дороже.

Старый «виртуоз» знал предел своих возможностей. Не ему было тягаться с русским медведем. Две умницы-внучки, наследницы. Дочки — жены погибших сыновей. С кем ему воевать? Что один «виртуоз» сможет против целого клана? Нет, что-то наверняка сможет, но без шанса на общую победу. Потому Макото-сан стал думать о помолвке внучек — против слова деда они не смогут пойти. Брак с Березиным исключался.

Со своей стороны дед сделал все, что мог. Все школьные фотографии — даже у одноклассников Димы, были подменены на вовсе не похожие, благо у врагов могли быть фото парня разве что в десятилетнем возрасте. С тех пор он изрядно подрос и изменился, оброс мышцами и обзавелся модной прической. С преподавателями проведена профилактическая беседа. Парень в общем-то нравился учителям, и они отнеслись с пониманием к необычной просьбе. На имя Березина был куплен билет за рубеж — пусть ищут его в Америке, там традиционно не любят русских, а в особенности — спецслужбы. Сам парень отправится в Дакисюро — частную школу для верхушки аристократических родов Токио. Клан, контролирующий учебное заведение, своим именем гарантирует неприкосновенность учеников от внешних угроз и способен оторвать голову излишне любопытным. Казалось бы, все предусмотрено!

И вот тут вмешивается фактор с двумя парами очаровательных глаз, под именами Ай и Юко. Два «ветерана», две фурии в юбках, не принимающих иных условий в драке,

кроме боя в полную силу. Потому-то они и привечают Диму — он единственный выживает в тренировках с ними и уходит после на своих ногах, остальные ограничиваются фразами «рехнутые стервы» и грозятся родней, хмыкнул дед. Благо, девочки никогда не начинают первыми и заведомо сообщают правила, потому проблем — кроме финансовых — еще не было.

Макото помнил темные времена, когда женщин не прятали на кухню, а учили наравне с юношами — любой боец в кровавых родовых войнах был на счету. Мирное время расхолаживает, даже в старых родах довольствуются максимум фактом сдачи экзамена на «ветерана», подтверждая тем самым силу крови рода. К реальным битвам уже никто не готовит; как считал старик — зря, потому искренне радовался интересу внушек к боевым искусствам и учил их на совесть.

Так что же делать? Отправлять их на свидание с сыновьями друзей? Так они их переломают вдоль и поперек, остаток только в совочек и соберешь, точно известно. Потом извиняйся перед их отцами...

— Молчать! — взрыкнул дед, выпустив чуть-чуть яки. — Отставить убивать женихов! Помолвка отменяется.

— Но, Макото-сан, — начала одна из матерей.

— Пойдут в Дакисюро, обе! — проигнорировал старик дочку.

— Ур-ра! — хором выпалили внушки.

— Но с условием! — мрачно ухмыльнулся дед. — Один, всего один слух о неподобающем поведении... Слышите меня?

Все за столом заворуженно кивнули.

— Обе пойдете в Сейджо! И согласитесь на тех женихов, что я укажу! Без сломанных костей и других оправданий!

— Дедушка, ты самый лучший! — восторженно пискнула Ай.

— Дедушка, мы тебя так любим! — вторила ей Юко.

— И последите за Димой, ему там нелегко придется. М-да, и без вас, а с вами-то... ох-хо-хо. — Дед снова начал сомневаться в принятом решении, но отступать было поздно.

Передо мной в легком мареве утреннего тумана стоят две красивые девушки. Головы чуть наклонены, руки скромно спрятаны за спину. Легкая тревожность в воздухе с нотками грусти.

— Дима, — произносит Ай, — нас направляют в Дана-шафу.

— Прости, — эхом вторит Юко.

Я хочу ответить, но будто нет воздуха на дыхание — необычное ощущение.

— Нам будет не хватать тебя, — печалится Ай.

— Поэтому мы хотели бы взять сувенир на память.

Из-за спины девушек показываются руки с парой огромных тесаков.

— Например, кусочек тебя! — кровожадно улыбается Ай и делает шаг вперед.

— А-а-а! — вырывается из груди, и я... просыпаюсь. Вот же а, довели! Уже в кошмарах являются.

Вокруг привычные декорации старого дома. Сегодня я сплю здесь в последний раз, больше появляться в этих стенах опасно. Слуги предупреждены и будут молчать, но мало ли — вдруг слезка? Еще сегодня надо избавиться от телефона — старый аппарат уже отделен от батареи и основательно разломан. Рядом валяются обломки сим-карты.

В пару движений одеваюсь и выхожу во двор. Длинный день начался, море дел — присмотреть новый сотовый и жильё поближе к школе. Насчет последнего — не уверен, что получится. Очень уж район элитный — аристократы, кланы, родовые земли, чиновники. Цена будет соответствующей, да еще лишнее внимание охраны всех этих лиц.

Мотор приветствует мягким рокотом, ворота предупредительно распахиваются. Вперед вырывается воздушная линза, на секунду выстреливает во все стороны слабыми воздушными стенами. Картинка отклика стихии спокойная — препятствий нет, можно ехать.

Магазин бытовой техники находится довольно быстро, как и подходящий аппарат — новенький «Шарп». Решил изменить в последний момент привязанности к старой доброй «Нокии» в пользу технологического чуда с двумя

камерами и огромным экраном — ради съемки красивой жизни внутри стен элитной школы. Будет что в интернет выложить.

Вместе с телефоном достался новый номер. Пальцы привычно набрали номер Юко, но в последний момент я удержался от вызова. Не буди лихо — вовремя включилось благоразумие. Действительно — выходной день, восемь утра, лихо еще спит.

Следующая остановка по плану — трехэтажный коттедж риелторского агентства. Сонный клерк ткнул в несколько точек на карте и продолжил изучать свое отражение в кружке с кофе. «Слишком молод для выгодного клиента» — наверняка навесил мне такой ярлык и успокоился. А мне, между прочим, двадцать два года по одному набору документов и двадцать четыре — по второму! Впрочем, мне ослепительная улыбка и мнимая забота от менеджеров не нужны, в тишине даже проще сделать выбор. Итак, на выбор предлагается шесть объектов — довольно много. Всего один в шаговой доступности от школы, но ценник моментально перечеркивает все достоинства. С такими прайсами действительно начнешь ходить пешком — денег-то даже на проезд не останется. Два объекта примостились возле магистральных дорог — удобно, но дико шумно. Четвертый вариант завоевал мое сердце удобным подъездом, небольшим кафе на первом этаже и охраняемой парковкой. Комнат в доме много, однако адекватная цена только на апартаменты под самой крышей, пятый этаж. Ценник выше среднего по рынку, что в сумме с отсутствием лифта делало объект малопривлекательным для большинства клиентов. Мало кто согласится таскаться с первого этажа на пятый пешком за такие деньги, а вот мне — самое оно. Район все еще тот же, что у школы, но самая его окраина. Внутреннее убранство — классическое, без ненужной роскоши, но со всей техникой, кроме стиральных машин (зато есть общая прачечная в подвале). Да и готовить не надо, несомненный плюс — в кафе наверняка можно будет договориться о доставке.

— Эй, любезнейший, — я потряс за плечо медитирую-

щего на кофейную гущу клерка, — заверните на год вот этот объект, — ткнул я ему на карточку с описанием выбранной квартиры.

Наверное, именно так куколка превращается в бабочку. За несколько секунд менеджер трансформировался в самую галантность и предусмотрительность, распрямился, спрятал испачканный галстук за лацкан пиджака, приклеил обратно радушную улыбку и даже сам заполнил мои документы. С заполнением лично у меня проблемы — вечно путаюсь между двумя комплектами фальшивок; ох уж эти японские имена...

Из конторы я выходил с солидной кипой договорных бумаг и приподнятым настроением. Даже решился на ритуальное самоубийство — звонок девушкам. Почему это они спят, когда я тружусь, аки пчелка?

— Если вы ошиблись номером, назовите свой адрес и никуда не уходите, — мрачный сонный голос Юко отозвался после восьмого гудка.

Да, я терпеливый.

— Юко, это мой новый номер! — бодро кричу в трубку.

— Это твой последний номер. — Голос звучит издалека, будто трубку резко убрали от головы. — Стоп... Дима?

— Собственной персоной. — Я лучусь энтузиазмом и добротой. Говорят, собеседники часто перенимают тон другой стороны, на то и надежда. Иначе будет очень плохо.

— Через два часа, ворота Дакисюро, приходи один и не звони в полицию. — И короткие гудки в трубке. Что-то мне не по себе.

Обычно приговоренным к смерти позволяют отведать любимое блюдо, потому следующий час был посвящен дегустации ресторанного меню. Заодно позавтракал.

Возле ворот в Дакисюро оказалось удивительно многолюдно для второго дня приема документов, а еще меня опять попытались прогнать охранники — явные родственники персонала Данашафу, даже фразы и движения те же. Гневные вопли были проигнорированы, а байк запаркован на вершине толстой школьной стены. Охрана впечатлилась и вроде как даже поверила, что я тут буду учиться.

— Ди-има, — с кошачьей мягкостью донеслось позади.

Тело окуталось доспехом духа, а сам организм чуть не исполнил прыжок вправо-вперед, но удержался в последний момент.

— Девушки, вы сегодня прекрасны! — Фраза опережает разворот на сто восемьдесят градусов. Кхм, вот это да! А ведь действительно — угадал. Даже более — впервые за все время знакомства вижу их в подобных платьях. Да что говорить, я их вообще в платьях-то впервые вижу! На полигоне — в кимоно, в школе — единая форма. — Ох, девушки...

Ай и Юко победно переглядываются между собой, еще больше задирая изящные носики и приосаниваясь, отчего объем груди визуальнo увеличивается еще сильнее.

И ведь все смотрят! Даже этот хмырь патлатый в черном смокинге возле «БМВ». Да как он смеет! Вокруг меня разливается океан яки — сейчас я ему голову-то разверну в обратную сторону, отдельно от тела.

— Мы будем внутри, — довольно произносит Ай и словно лебедь проплывает мимо меня.

— Куда! Немедленно переоденьтесь! — В голове хаос и желание убивать посторонних.

— Тебе не понравились наши наряды? — грустно опускает глаза Юко.

— Да! То есть нет! То есть они шикарны! Но слишком шикарны! А-а! Я сейчас найду плащи! — Я разворачиваюсь вокруг в поиске чего-либо, желательно огромного и плотного. Подойдет баннер с крупными буквами «МОЕ» или «Собственность Березина Д.».

Девушки тем временем ушли в глубь школьного двора и о чем-то болтали со смертником, галантно пожимающим им ладошки.

Стоило девушкам отойти на десяток метров, как парень отчего-то захрипел и схватился за горло — ай-яй-яй, какая незадача! Сжатый воздух попал не в то горло, экая беда. Так и умереть можно!

Стоп, спокойствие, только спокойствие. Что-то я перегибаю палку.